

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46698/VNC.2021.13.6.001

ПРОБЛЕМЫ НАРТОЛОГИИ И ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Т.А. ГУРИЕВА**Р.Н. Абисалова**

Объектом внимания в статье становится научно-публицистическое наследие выдающегося осетинского ученого, доктора филологических наук, профессора, лауреата нескольких престижных премий Тамерлана Александровича Гуриева. В статье исследуются проблемы осетинской нартологии, литературоведения, теории и практики художественного перевода. Объектом анализа в статье стали такие работы Гуриева, как «К проблеме генезиса осетинских нартовских имен», «Антропонимия осетинского нартовского эпоса», «Проблемы Нартиады», «Наследие скифов и алан», «Кто есть кто в аланской Нартиаде». В них освящаются особенности мотивов, сюжетов нартовского эпоса, их вариативность, связь с мировыми эпосами, образы героев, их характеры, мотивации поступков, эволюционные процессы их развития.

Второй аспект содержания предлагаемой работы – проблема творчества К.Х. Хетагурова в научно-публицистическом наследии Т.А. Гуриева.

В статье также анализируется та сторона Гуриева-литературоведа, которая связана с его талантом полемиста, способного отстаивать собственный взгляд на некоторые произведения Коста Хетагурова. Автор на основе глубокого понимания специфики басенного жанра, истории его формирования и развития убедительно опровергает мнение тех, кто считал басни Коста лишь переводами произведений его предшественников-баснописцев. Т.А. Гуриев, сопоставляя тексты басен К.Л. Хетагурова и И.А. Крылова, доказательно приходит к выводу, что великий осетинский поэт не прибегал к переводам уже известных басен, что его басни, если даже они основаны на мировых сюжетах, оригинальны, самобытны и глубоко национальны.

Третий аспект научного наследия Т.А. Гуриева, нашедший отражение в настоящей работе, связан с анализом работ ученого, посвященных теории и практике художественного перевода.

Ключевые слова: Т.А. Гуриев, К.Л. Хетагуров, Нартовский эпос, нартология, антропонимия, этимология, эпические герои, мотивы, сюжеты, исторические прототипы, художественный перевод.

Филология – многоаспектная, многопрофильная, многогранная область гуманитарных наук, требующая от исследователя не только широты интересов и познаний лингвистики, литературоведения, фольклористики, теории перевода, но и неперемного углубления в область нескольких гуманитарных дисциплин – истории, этнографии, философии, социологии, мировой художественной культуры и других наук. Поэтому в наше время звания истинных филологов достаиваются немногие. Один из этих немногих – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСО-Алании и России, лауреат Национальной премии «Яблоко нартов» и Международной премии им. А.С. Чикобава Академии наук Грузии, председатель «Ассоциации ученых РСО-Алания», вице-президент общества «Россия – Индия», председатель Северо-Осетинского отделения Российского союза профессиональных литераторов. Список званий, наград и должностей Тамерлана Александровича можно еще продолжить, но и названного вполне достаточно для понимания роли и заслуг ученого не только в осетинской, но и российской науке, культуре, просвещении. Не случайно его имя названо в энциклопедии «Ведущие языковеды мира» [1]. Научное наследие Т.А. Гуриева весьма обширно: более 250 научных и более 600 научно-популярных и публицистических работ, в их числе не только его работы, но и выполненные под его руководством. Не может не восхищать широта научных и творческих интересов Тамерлана Александровича – английская филология, осетинский язык и литература, общее языкознание, лексикография и лексикология, Нартовский эпос, теория и практика перевода, культура речи и стилистика языка, древние языки и литературная критика. К этому необходимо добавить и писательскую деятельность – его художественные произведения на осетинском и английском языках регулярно печатались в основанном и редактируемом им литературном альманахе «Горный ветер».

Еще одной заслугой Т.А. Гуриева является тот факт, что в течение долгого времени он находился на посту вице-президента общества «Россия – Индия» и руководителя Северо-Осетинского отделения этого общества. Он приблизил Осетию к Индии с ее древнейшей культурой, литературой, мифологией; индийские поэты с помощью английских подстрочников, сделанных профессором Гуриевым, перевели на хинди, бенгальский, тамильский языки стихи Коста Хетагурова и других осетинских поэтов. В свою очередь, осетинские читатели, благодаря переводам Т.А. Гуриева, познакомились с произведениями многих поэтов Индии.

Трудно осветить все аспекты научной деятельности Т.А. Гуриева в рамках одной статьи, поэтому цель настоящей работы значительно скромнее

– остановиться на проблемах нартоведения, осетинской литературы в его научном наследии и переводческой деятельности ученого.

Любовь к осетинскому языку, фольклору, Нартовскому эпосу привели Гуриева-ученого к блестящим результатам. Его первые обращения к Нартиаде связаны с научной деятельностью выдающегося французского ученого Жоржа Дюмезиля, с его переводом на французский язык осетинских нартовских сказаний. Тамерлан Александрович отмечает важность первого знакомства франкоязычных читателей с Нартовским эпосом, выявляя не только достоинства, но и недостатки работы. Он не соглашается, прежде всего, с трактовкой Дюмезилем этимологии слова «нарт», которую французский ученый выводит из иорданского языка, но с удовлетворением фиксирует внимание на актуальном для понимания генезиса и развития Нартовского эпоса выводе Ж. Дюмезиля о том, что «именно у осетин и, конечно, у их далеких предков сформировалось ядро Нартиады и наметились его главные герои» [2, 9].

Также Т.А. Гуриев отмечает важность для всех последующих научных исследований осетинского эпоса т.н. «трифункциональной» теории построения нартовского общества. На эту особенность нартовского сообщества еще в 1925 г. обратил внимание выдающийся осетинский художник, фольклорист, искусствовед М.С. Туганов в своей статье «Кто такие Нарты?» [3, 372–378].

Наиболее основательная работа, написанная на материале докторской диссертации Гуриева, – «К проблеме генезиса осетинского Нартовского эпоса» [4]. Хотя автор в подзаголовке своей работы указывает на то, что она посвящена исследованию монгольских влияний, содержание монографии отнюдь не исчерпывается вниманием к этой проблеме. Автор погружает читателя в мир нартовских персонажей со всеми перипетиями их судеб, наряду с анализом лексики и ономастических единиц монголоязычной этимологии, демонстрирует блестящее знание истории, мифологии, выявляет исторических прототипов, трансформирующихся не только в монгольских эпических героев, но и в некоторых нартовских персонажей. В своих исследованиях монгольских влияний на осетинский эпос Т.А. Гуриев продолжил развитие концепции корифея осетиноведения и нартологии В.И. Абаева, который еще в 1935 г. в одной из статей смело и объективно высказал мысль о монгольских элементах в осетинской Нартиаде [5]. Эта гипотеза в свое время вызвала бурную дискуссию, но в последующем нашлось немало сторонников концепции Абаева. Можно с уверенностью сказать, что этому в значительной степени поспособствовало исследование Тамерлана Александровича, в котором он доказал, «что к аланам попала легенда о происхождении так называемого «золото-

го рода» монголов. С этой легендой в аланский эпос вошла большая группа имен и названий» [6]. По признанию автора исследования, В.И. Абаев от души поздравил его с научным открытием.

Т.А. Гуриев в своей монографии утверждает, что первоначальным компонентом нартовского эпоса является древнейшее скифо-аланское наследие, кроме того, в состав его входят кавказские и восточные, преимущественно монгольские, компоненты. Наличие монгольской составляющей осетинского эпоса обусловлено длительными историческими контактами аланских племен с монгольскими. Исторические, этнографические, лингвистические исследования подтверждают обоюдный характер монголо-аланских языковых, культурных, бытовых, военных контактов. По мнению ученого, важнейший термин «Нарта» («Дети солнца»), давший название осетино-аланскому эпосу, вошел в него вместе с монгольской легендой о праматери богатырей, имевшей связь с небом. Также монгольскими Т.А. Гуриев считает несколько мотивов и имен нартовских сказаний: Дзерассæ, Бæдзæнæг, Арæхъцау, Хæмыц, Батырадз и др. Весьма интересны наблюдения над трансформацией имен монгольских исторических деятелей в эпических персонажей, а тех в свою очередь – в нартовских героев. Монгольское влияние отразилось и на структуре осетинского эпоса – с одной стороны, привело к нарушению развития аланского эпоса, а с другой, способствовало возникновению новых циклов. Так, монгольский герой богатырского эпоса Хабичи-Баатур в Нартовском эпосе «разделился» на двух героев – Хамыца и Батрадза, что привело к формированию эпических циклов о Хамыце и Батрадзе.

В этой работе с особой очевидностью проявились качества Гуриева-ученого и исследователя, интеллектуала, полиглота, скрупулезного и объективного. Нельзя не согласиться с оценкой монографии, данной известным осетиноведом и журналистом, автором книги о Т.А. Гуриеве, Б.Р. Хозиевым: «Ученый использовал огромную литературу на различных языках. Только на стыке таких наук, как история, фольклористика, лингвистика и ономастика можно было со всей полнотой исследовать установившиеся в глубине веков взаимоотношения народов, не оставивших об этом следов в виде каких-либо письменных источников. В этом и заключается основное и принципиальное значение того, что было внесено Т.А. Гуриевым в решение проблемы изучения эпоса и лексики осетин» [7, 13].

В 1981 г. вышло в свет небольшое, но достаточно емкое и актуальное учебное пособие – «Антропонимия осетинского нартовского эпоса» [8]. В аннотации к работе заявлено, что оно посвящено происхождению ряда основных имен Нартиады и рассчитано на студентов-филологов и тех, кто интересуется различными проблемами осетинского эпоса. Однако

содержание отнюдь не ограничено одной проблемой. Пособие содержит чрезвычайно интересные сведения о героях-нартах, а в связи с ними и о героях эпических произведений других народов, а также об исторических лицах, чьи имена легли в основу имен легендарных, мифологических и эпических персонажей. Это не означает, что собственно антропонимия отодвинута на второй план, напротив, исследуя любую проблему, автор в качестве отправной точки использует методологию, приемлемую именно для этого раздела лингвистической науки. Это позволяет автору избежать поверхностное и необоснованное этимологизирование нартовских и других, связанных с ними, персонажей. Ему в работе противопоставлен скрупулезный, тщательный, научно обоснованный, опирающийся на обширный теоретический аппарат, анализ, выявляющий этимологию имен нартовских героев – Сатаны, Ацамаза, Сослана, Арахдзау (Арахцау), а также имен монгольского происхождения. Однако ценность работы заключается не только в освещении этого аспекта Нартологии. В ней в лучшем виде проявились эрудиция ученого, его глубокие познания в области фольклора, этнографии, истории. Так, рассматривая происхождение имени Сатаны, одной из главных персонажей Нартиады, автор выходит за рамки традиционного понимания характера фольклорного героя, зачастую трактуемого как односторонний, лишенный психологизма и т.д. Т.А.Гуриев в своем анализе образа Сатаны приближается к тому пониманию характера, который применим скорее к литературному герою, а не к фольклорному, что является новаторством в научном методе ученого. Исследователь не ограничивается традиционной трактовкой Сатаны только как красавицы, умницы, прекрасной хозяйки, предусмотрительно сделавшей запасы еды и накормившей ослабевших нартов в «голодный» год. Он показывает образец всестороннего изучения героя в совокупности положительных и отрицательных, внутренних и внешних качеств. С одной стороны, она идет на поводу своей страсти, склоняя Урузмага к инцестуальной связи, кроме того, она – косвенная виновница смерти нежной Елды-Эльды, идеального героя Тотраза, она пыталась погубить славного Арахдзау. С другой стороны, Сатана являет собой концентрацию мудрости, изобретательности, верности мужу и даже не рожденным ею детям. «В Нартиаде она «своя», она здесь буквально царствует...Дзерасса пришла из другого племени, в то время, как Сатана является нартовской и по рождению, и по характеру, и по судьбе» [8, 4]. Расуждения о преимуществе нартовской Сатаны над иноплеменной Дзерассой приводят исследователя к понятию «настоящих» нартов и «ненастоящих», что является продолжением интереса к этой теме, представленной в монографии «К проблеме генезиса осетинского Нартовского эпоса» [4, 84–98]. Трактовка Т.А. Гурие-

вым образа Сатаны как неоднозначного, иногда нелогичного, переменчивого, в каких-то ситуациях жестокосердного – бесспорный комплимент Нартовскому эпосу, где героиня добивается успеха в своих предприятиях не только своей красотой и чувственностью, приемами волшебства и ясновидения, но и острым умом, пониманием психологии людей, умением использовать слабости соперников в своих интересах. Интерес к образу Сатаны не ослабевает и в других работах Т.А. Гуриева по проблемам Нартиады. Так, в монографии «Наследие скифов и алан» ему посвящен отдельный очерк «Имя советчицы нартов: Сатана». Анализируя образ главной героини Нартовского эпоса, автор указывает на его сложность и противоречивость. Анализ трудов Геродота, А.П. Смирнова, Ж. Дюмезиля приводит его к выводу, что «образ славной нартовской героини является очень древним. В нем ... отражение роли женщины в скифо-сарматском мире» [9, 23]. Рассматривая различные эпизоды, связанные с Сатаной, в частности историю «странного» брака с Урузмагом, эпизод спасения Сослана от Бибыца и др., Т.А. Гуриев соотносит их с различными схожими мировыми сюжетами – библейскими, индоарийскими, славянскими, – демонстрируя глубокую осведомленность в области эпикологии, мифологии, сказочных жанров.

В исследовании этимологии имен главных героев Нартиады – Сатаны, Ацамаза, Сослана, Арахдзау, Батрадза, Хамыца и др. – у Т.А. Гуриева лингвистический материал в значительной степени обогащен интересными сведениями из области мировой фольклористики, параллелями из грузинского, армянского, огузского, алтайского, иранского, монгольского и др. эпосов.

По мнению доктора филологических наук, профессора З.М. Салагаевой, монография Т.А. Гуриева «Наследие скифов и алан» является одной из лучших книг Тамерлана Александровича. В ней различные аспекты Нартовского эпоса анализируются с точки зрения скифо-алано-осетинской непрерывности, ученому не изменяет уверенность в том, что «в фольклоре фокусируются интересы разных наук». Именно поэтому Тамерлан Александрович в своей книге исследует Нартиаду с точки зрения лингвистики, фольклора, истории, этнографии. Он помещает героев осетинского эпоса в основательный контекст мировых эпосов, мотивов, сюжетов, выявляя исторические прототипы Сатаны, Ацамаза, Сослана. Открывает галерею нартовских героев осетинский покровитель диких животных Афсати. Автор указывает на многочисленные индоевропейские, индоиранские, кавказские варианты этого героя, которые неоднократно привлекали внимание многочисленных исследователей, как лингвистов, так и фольклористов (В.Ф. Миллера, Н.Я. Марра, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля и

др.). Л.А. Чиби́ров в статье «Об одной сепаратной индо-скифо-осетинской параллели в научном наследии Т.А. Гуриева» пишет о признании В.И. Абаевым имени Афсати «скифским вкладом в кавказские языки», но полагает, что это признание было скорее интуитивным, нежели научно обоснованным... Вопрос требовал более углубленного научного обоснования. Это сделал единомышленник и последователь В.И.Абаева – Т.А.Гуриев...» [10, 29]. Тамерлан Александрович рассматривает нартовского Афсати в сопоставлении с различными аналогами индийской, кельтской, древнегреческой, скандинавской мифологии, подчеркивая архаичность нартовского обитателя «осетинского Олимпа».

Один из самых интересных очерков книги посвящен имени и образу «нартовского Орфея» Ацамаза. Автор обращает внимание на тот факт, что музыка у нартов была в почете: пели старый Урузмаг и юный Батрадз, который, закаляясь в горне небесного кузнеца Курдалагона, развлекался игрой на фандыре, отличным певцом и музыкантом был и Сослан. Потрясенный гибелью своих детей Сырдон создал из их костей и жил двенадцатиструнную арфу и выразил свое горе в сочиненной им песне-плаче, что позволило ему быть причисленным к нартовскому роду. И все же символом музыкального оформления Нартиады стал юный Ацамаз со своей свирелью. В очерке предпринят экскурс в историю появления музыки в древнем обществе и проникновения ее в фольклор. Серьезным заявлением можно считать утверждение о том, что «образ Ацамаза мог появиться только в период знакомства создателей эпоса с профессиональной музыкой»,... «и что он создан под воздействием греческого музыкального искусства» [9, 38]. Т.А. Гуриев предпринимает скрупулезный антропони-мический анализ имени нартовского Ацамаза и, опираясь на исследования маститых ученых В.И. Абаева, К. Мюлленгофа, Л. Згусты, заявляет о его скифо-сарматском происхождении. Однако в своей работе автор не ограничивается анализом этимологии имени музыканта, это сложный и многозначный образ, который, помимо мотива музыки и музыканта, оказался в центре других «вечных» мотивов мировых эпосов – сватовства, свадебных обрядов, пиров, представляющих научный интерес при изучении специфики праздничного мира наших предков.

Чрезвычайный интерес представляет еще один аспект исследования нартовских героев – выявление исторических прототипов персонажей осетинского эпоса. На наш взгляд, это наиболее сложная и ответственная сторона анализа формирования фольклорных и эпических героев, требующая значительной исследовательской смелости и колоссального погружения в исторические материалы. Т.А. Гуриев касается этой проблемы еще в 1982 г. в небольшом, но емком исследовании – «Проблемы Нартиады»

[11]. Автор отмечает большие заслуги известных нартоведов – В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, показавших на конкретных примерах связь Нартовского эпоса со скифскими легендами. Их выводы помогли доказать, что некоторые сюжеты осетинского эпоса имеют исторические основы и связаны с фактами реальной скифской истории. Намеченная тема была подробно развернута в работе «Наследие скифов и алан». Чтобы ответить на вопрос об историческом прообразе славного музыканта Ацамаза, автор предлагает обратить внимание «...на колоритнейшую фигуру во всей богатой истории Скифии – царя Атея, известного нам из различных источников. Он жил в 5 – 4 вв. до н. э., явился фактическим создателем мощной скифской державы и ее правителем в течение ряда десятилетий [9, 42]. Читателю предлагается научный экскурс в историю его жизни и героических деяний. По мнению Т.А. Гуриева, героизация Атея представляется заслуженной, и он вполне мог стать героем легенд и эпосов, в частности, в среде скифо-аланских племен. Автор дает научно обоснованное объяснение того, как скифский правитель мог превратиться в музыканта, играющего на хрустальной свирели, используя в качестве аргументов работы древних и современных ученых. Не менее интересным представляется доказательство на основе значительного научного материала связи эпического Сослана с историческим лицом – осетинским царевичем Давидом Сосланом, правившим со своей женой, грузинской царицей Тамарой. Проблема исторических прототипов нартовских героев интересовала Т.А. Гуриева на протяжении многих лет его научной деятельности и нашла отражение во многих работах.

Как известно, Т.А. Гуриев – известный в Осетии лексикограф, он автор, соавтор, издатель значительного количества словарей – только их перечисление заняло бы немалое место в настоящей работе. В связи с проблемами Нартологии особого внимания заслуживает словарь «Кто есть кто в аланской Нартиаде» [12]. Небольшое по объему издание, однако, стало ярким событием не только в осетинской лексикографии, но и в истории аланского эпосоведения как весомый вклад в развитие национальной просветительской мысли. Оно – результат многолетних исследований ученым всех аспектов не только осетинского, но многих других мировых эпосов. Несмотря на то, что научная деятельность Т.А. Гуриева в значительной степени связана с антропонимикой, т.е. с проблемами этимологии нартовских имен, он ставит перед собой более серьезные задачи – издание с полным основанием может считаться не только энциклопедией нартовских имен, но и серьезным источником информации о носителях этих имен, а также подробных сведений о всех изданиях Нартовского эпоса. Словарь содержит большое количество интересной информации об

отдельных мотивах и сюжетах, которые сравниваются со схожими сюжетами других произведений эпического жанра. Так, во вступительной статье, рассказывая о женитьбе нартовского Урузмага на своей сестре Сатане, автор сравнивает этот мотив с соответствующими ему мотивами египетской, индоиранской мифологии. Отмечается архаичность этого образа, сохранившего черты матриархата. Образ покровителя диких животных Афсати сопоставляется с подобными божествами в фольклоре скифов и древних индийцев, и таких примеров можно привести немало. Определение скифо-сарматского ядра Нартиады дополняется значительным числом нартовских имен бесспорно древнеиранского происхождения, таких, как Уæрхæг, Æхсæртæг, Æхсар, Æфсати, Сафа, Сатана и др. В словарь также вошло немало имен и мотивов монгольского происхождения, которые, по мнению автора, привели к структурным изменениям Нартовского эпоса. Автор словаря с сожалением констатирует, что «вряд ли когда-нибудь удастся восстановить эпос в том виде, в котором он бытовал до татаро-монгольского нашествия» [12, 11].

Таким образом, можно с уверенностью подтвердить значимость роли словаря Т.А. Гуриева «Кто есть кто в аланской Нартиаде», его достойное место в ряду других лексикографических изданий известного ученого. Он стал результатом многолетних изысканий в области осетинского эпоса. В нем в концентрированном виде собрано все, что в течение многих лет методично и скрупулезно, с тщанием и особой любовью к эпическому наследию осетин собиралось в научной «копилке» Т.А. Гуриева. Автор книги о Т.А. Гуриеве Б.Р. Хозиев справедливо замечает: «Книга бесспорно выиграла от того, что украшена цветными иллюстрациями из скифского золота и лучшими полотнами Махарбека Туганова на нартовскую тематику. Она написана знатоком своего дела, потому, вероятнее всего, привлечет к себе внимание и специалистов, и читателей» [12, 32].

Научное наследие Т.А. Гуриева, известного прежде всего лингвистическими и нартоведческими работами, тем не менее содержит немало интересных исследований по проблемам литературы. Необходимо отметить особое внимание ученого к творчеству К.Л. Хетагурова. Восприимчик и продолжатель научных традиций корифея гуманитарных наук В.И. Абаева Т.А. Гуриев, без сомнения, разделял его высказывание о том, что «народы с гордостью произносят имена людей, в которых с наибольшей полнотой и блеском раскрылся их национальный гений. Англичанин говорит – Шекспир. Шотландец говорит – Бернс. Немец говорит – Гете. Итальянец говорит – Данте, Русский говорит – Пушкин. Мы, осетины, говорим – Коста, и душа наполняется гордостью и трепетной любовью» [13, 559]. Именно с такими чувствами писал о Коста Тамерлан Александрович Гуриев. В 2014 г.

вышел сборник, в котором собраны его очерки о творчестве К.Л.Хетагурова. Открывает этот сборник статья под названием «Передающий светильник жизни». (Фрагменты мыслей о пьесе К.Мецаева и Б.Черчесова «Горькие рифмы») [14, 8]. Пьеса была поставлена на сцене Северо-Осетинского драматического театра, привлекла к себе значительное внимание, вызвала дискуссию. Заявляя о вечности тем, связанных с великими личностями, уже в начале своей статьи-рецензии, Т.А. Гуриев объективно помещает Коста Хетагурова в ряд великих людей, которые, говоря словами античного мудреца Лукреция, «светильник жизни передают», т.е. являются вечными носителями света. Удивительно точные слова приводит автор, определяя роль Коста не только для его современников, но и для всех последующих поколений людей, равнодушных к литературе, поэзии, искусству, ценящих в человеке смелость, любовь ко всему миру и своим соотечественникам, готовность принести в жертву собственную жизнь и свободу, которой он «привык, как счастьем, дорожить», ради процветания своего бедного народа. Анализируя пьесу К. Мецаева и Б. Черчесова «Горькие рифмы», Т.А.Гуриев представляет целую галерею театральных постановок о великом поэте, что свидетельствует о тщательном изучении материала по рассматриваемой проблеме. Он напоминает, что спектакль о Коста Хетагурове ставился на сцене народного театра еще до революции, в 1917 г., и пользовался шумным успехом. По его мнению, самое полное воплощение образа поэта зритель увидел в пьесе «Коста» Ивана Джанаева и Татари Епхиева, хотя из-за использования слишком большого биографического материала пьеса оказалась более литературной, чем сценической. Автор статьи обращает внимание на репрезентацию пьесы как первой попытки воссоздать жизнь и судьбу Коста на основе эпистолярного и публицистического материала, считая это не совсем корректным. Он ссылается на авторитетное мнение известного литературоведа А.А. Хадарцевой, которая в анализе пьес о Коста писала, что Нигер (И. Джанаев) и Т. Епхиев также широко использовали письма, записки, черновики поэта. По мнению Т.А. Гуриева, пьеса К. Мецаева и Б. Черчесова – очередная попытка «прочитать по-своему» хорошо известные материалы и документы о жизни и творчестве Коста. Т.А. Гуриев размышляет о так называемом «домысливании» некоторых фактов биографии героя, что вполне допустимо в художественном произведении, каковым является пьеса «Горькие рифмы». Есть эти «домысливания», т.е. художественный вымысел, и в анализируемой работе Мецаева и Черчесова. Главное, по мнению критика, использовать этот прием деликатно, не нарушая исторической достоверности. Как опытный и доброжелательный критик, автор отмечает прежде всего достоинства как самой пьесы, так и игры большинства актеров, сценографии спекта-

кля т.д. Вспоминая великолепное воплощение образа Коста выдающимся осетинским актером Соломоном Таутиевым, Т.А. Гуриев отдает дань признательности и актеру Анатолию Галаову, исполнившему главную роль в спектакле «Горькие рифмы». Артисту по существу пришлось исполнять несколько ролей, так как Коста изображается в пьесе на протяжении «многих лет, когда Поэт жил и боролся, любил и страдал, болел и увядал... А. Галаов же должен был спрессовать десятилетия жизни Поэта и показать ее в течение ... двух-трех часов» [14, 19]. По мнению Т.А. Гуриева, это ему вполне удалось. Автор вспоминает расхожую в среде драматургов и актеров фразу: «этот спектакль имеет право на неудачу». По мнению Гуриева, в спектакле о Коста такое право исключается, о нем нужно писать только удачные пьесы и ставить только удачные спектакли, и спектакль «Горькие рифмы» в целом таковым и является. Автор статьи, прекрасный знаток творческого наследия и всех подробностей биографии Коста, указывает и на некоторые недостатки как в интерпретации материалов о жизни Коста, так и в игре актеров театра. В сценарий пьесы попали некоторые сведения, которых не было в реальности, есть эпизоды, которые не отвечают строгим требованиям художественного изображения. Проведя скрупулезный анализ многих сцен спектакля, Тамерлан Александрович с оптимизмом выражает надежду на возрождение былой славы нашего Государственного Академического театра, театра Владимира Тхапсаева, поскольку вполне удачная постановка на его сцене пьесы «Къостайы сэгъæстæ» («Горькие рифмы») дает основания для этого оптимизма. В конце работы автор приводит прекрасные слова великого Ромена Роллана о назначении театра: «Народный театр должен разделять хлеб народа, его тревоги, его надежды и его борьбу» [14, 30]. По мнению Т.А. Гуриева, эти же благородные задачи стоят и перед нашим театром.

В научном наследии Т.А. Гуриева немало работ, в которых ученый исследует различные аспекты поэтического творчества Коста Хетагурова. Им прежде всего присущ симбиоз в исследовании языковых, идейно-художественных и стилистических особенностей поэзии великого осетинского поэта. В одной из своих статей Т.А. Гуриев обращается к жанру басни в поэтическом наследии Коста [15, 179–184]. Он отмечает особое место басенной формы в его творчестве, называет его родоначальником осетинской басни. Исследователь, анализируя басни К.Хетагурова, выявляет основательный литературно-исторический контекст, в который вошли не только такие мастера басенного жанра, как Жан де Лафонтен, видный представитель французского классицизма, и Иван Андреевич Крылов, но и В.К. Третьяков, А.Я. Сумароков, которые, по выражению Т.А. Гуриева, «работали на вспаханном поле – у них были предшественники и

современники, создавшие замечательные басни» [15, 179]. Это поле, как указывает автор статьи, начали «вспахивать» еще античные Эзоп и Федр. Коста Хетагуров же был первопроходцем в области басенного жанра в осетинской литературе. Автор статьи не соглашается с мнением тех литературоведов, которые полагали, что Коста использовал этот жанр для возможности в иносказательном виде писать о том, о чем нельзя было писать открыто. Гуриев отрицает это предположение, он считает, что поэт всегда смело и откровенно говорил о пороках общества, не соглашался с политикой властей. Ему не нужна была для этого басенная маскировка. Об этом он говорил в своих стихах, в частности, в стихотворении «Я не пророк»:

«...Везде, для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю...» [16, 20]

Т.А. Гуриев утверждает, что «Коста обратился к басне потому, что она, как яркая форма сатиры, понятна широким массам. Будучи формой низового фольклора, она обладает особыми выразительными возможностями» [15, 179]. Трудно не согласиться с мнением ученого, считавшего, что именно эти особенности сатирического жанра стали причиной обращения к нему Коста Хетагурова. Т.А. Гуриев условно делит басни К.Хетагурова на две группы: в первую он относит басни, написанные на сюжеты, подсказанные И.А.Крыловым, во вторую – подсказанные ему тогдашней осетинской действительностью. Однако первые не являются, по мнению автора статьи, менее оригинальными. Тамерлан Александрович с горечью отмечает, что в некоторые издания произведений Коста басни не включены вообще, а в академическом издании 1959 г. басни первой группы сопровождаются текстами И.А. Крылова. Гуриев называет это «более чем странным приемом», подтверждая свое мнение серьезным анализом понятия «перевод». Он указывает на тот факт, что известные знатоки творчества Коста Хетагурова, в том числе А.А. Хадарцева, Г.И. Кравченко, признают его басни самобытными и глубоко национальными, поэтому «считать их обычными переводами с русского едва ли справедливо». Свое мнение Тамерлан Александрович достаточно убедительно обосновывает тщательным сопоставлением текста басни Коста «Халон æмæ Рувас» с соответствующими текстами Федра и Лафонтена.

Интерес к поэтическому творчеству К.Л. Хетагурова находим и в других исследованиях Т.А. Гуриева. В небольшой работе «Воспетый гением» автор вступает в научную дискуссию по поводу адресата стихотворения Коста «Салам» («Привет»). В начале статьи он высказывает мысль, которая во многом объясняет его трепетное отношение ко всем сторонам творче-

ства великого осетинского поэта, пристальное внимания к каждому слову, к каждой детали его произведений. Т.А. Гуриев пишет: «Даже самая незначительная деталь выполняет свою особую роль в многоцветье его сборника «Осетинская лира» («Ирон фæндыр»). Едва ли не каждая строка является абсолютно значимой единицей, изъять или заменить которую просто невозможно. Иначе система его взглядов и творений понесет заметный урон» [15, 252]. Именно такое отношение к наследию Коста позволило ему убедительно опровергнуть ошибочные мнения об адресате стихотворения «Салам», и, вслед за предположением известного знатока и издателя произведений Коста Хетагурова К.Ц. Гутиева, обоснованно доказать, что адресатом этого стихотворения был крупнейший русский ученый-осетиновед В.Ф. Миллер. Автор сопоставляет мнения двух ученых – профессора Н.Г. Джусоева и К.Ц. Гутиева. Джусоев считал адресатом стихотворения «Салам» А.С.Пушкина, а К.Ц. Гутиев первоначально сделал предположение, что Коста адресовал его себе, применив «известный в литературоведении прием». Исследователь тщательным образом анализирует обе гипотезы, пункт за пунктом, убедительно и тактично опровергая все аргументы в их защиту. Он не замалчивает тот факт, что К.Ц. Гутиев, хотя и несколько невнятно, сделал предположение о В.Ф.Миллере как адресате стихотворения. Т.А. Гуриев развивает эту тему, напомним о всех заслугах Миллера как исследователя осетинского языка, фольклора, Нартовского эпоса, истории и этнографии осетин. Он основывается на глубоком знании научной биографии Всеволода Федоровича, всех аспектов отношения русского ученого к Коста (посредником в их заочных контактах был чаще всего Гаппо Баев). В работе приведено письмо Миллера к Баеву от 10 апреля 1906 г., где он с грустью пишет о получении известия о кончине Коста, вспоминает его «Ирон фандыр». В последней части работы находим интересные подробности «осетинской» страницы научного наследия В.Ф. Миллера. Таким образом, статья «Воспетый гением» свидетельствует не только о серьезном подходе автора к исследуемому вопросу, но и о таланте ведения научной дискуссии, в которой уважение к мнению оппонента сочетается с умением отстаивать собственное мнение на основе глубокого знания предмета полемики.

В связи с особым вниманием Т.А. Гуриева к творчеству Коста Хетагурова необходимо обратить внимание еще на одну его небольшую, но весьма информативную статью – «Об одном орфографическом казусе» [15, 185–188]. В этой работе автор обращается к четверостишью поэта:

Рагон нæртон лæгау зарын куы зонин,
 Арвмæ куы хъуысид мæ фæндыры хъазт.
 Дунеты се 'ппæт мæхимæ æрхонин,
 Радзурин уыдонæн зæрдæйы маст.

Если бы пел я, как нарт вдохновенный,
 Если б до неба мой голос взлетал,
 Все бы созвал я народы вселенной,
 Всем бы о горе большом рассказал.

(Пер. С. Олендер).

Именно этот перевод считается безукоризненным, хотя есть и другие переводы. Т.А. Гуриев в краткой статье по поводу известного четверостишья рассматривает два вопроса – ошибочной трактовки образа древнего нарта и неверного прочтения последнего слова второй строки оригинала. Автор считает, что обе ошибки допущены по вине составителей подстрочника, что повлекло за собой неточные переводы, сделанные талантливыми поэтами. Первая ошибка заключается в том, что нередко под древним поющим нартом подразумевается прекрасный музыкант Ацамаз, о котором так много писал в своих работах по проблемам Нартовского эпоса Тамерлан Александрович. Он указывает на тот факт, что в черновом варианте стихотворения Коста назвал имя страдающего Сырдона. В последующей редакции его уже не было. Автор предостерегает от тиражирования этой ошибки, обращая внимание на вполне очевидные вещи. Ацамаз – музыкант, играющий не на фандыре, а на свирели. Кроме того, вряд ли этот прекрасный юноша так горевал о своей разбитой свирели, тем более она была вполне благополучно восстановлена. А вот Сырдон, оплакивающий гибель своих детей и сотворивший из их костей и жил фандыр для аккомпанемента своей трагической песни, вполне соответствует герою четверостишья Коста.

Что касается второй ошибки, допущенной, по мнению Т.А. Гуриева, в известном четверостишье, то она связана с различным написанием словосочетания «фандыры хъаст» и «фандыры хъазт». В одном случае это «жалоба фандыра», в другом – «игра фандыра», что искажает смысл и трагическое звучание стиха. Автор статьи изучил написание этого слова в различных изданиях, начиная с 1911 г. и до 1989 г., и также не обнаружил единообразия в обозначенных словах. Обратившись к рукописи стихотворения, исследователь обнаружил и там «хъазт». Этот орфографический казус, как называет его Т.А. Гуриев, объясняется им отсутствием единообразия в написании этого слова, что подтверждается примерами из «Осетинской грамматики» А. Шегрена, «Святого Евангелия» на осетинском языке, «Осетино-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера.

Творчество Коста Хетагурова – значительная часть научного наследия Т.А. Гуриева, формат статьи не позволяет затронуть все работы по этой проблеме. Тем не менее нельзя не оценить колоссальный труд, проделанный Тамерланом Александровичем для пропаганды поэтического насле-

дия Коста – его подстрочных переводов избранных стихотворений с осетинского и русского языков на английский. Это не только результат значительных научных и творческих усилий переводчика, но и акт, приблизивший творчество осетинского поэта из маленького горного селения Нар к иностранному читателю, к мировому сообществу, давший возможность переводить его стихи на все языки. Эта работа Т.А. Гуриева без сомнения расширила горизонты возможности приобщения иноязычного читателя к поэзии Коста, что делает его творчество ощутимой частью мировой художественной культуры. На наш взгляд, этот труд ученого еще не оценен по достоинству, но уже в десятках стран поэзия Коста зазвучала и еще зазвучит на самых разных языках мира.

Продолжая тему переводов в творческом и научном наследии Т.А. Гуриева, нельзя обойти вниманием такие работы исследователя, как «Заметки о переводах стихотворений А.С.Пушкина на осетинский» [17]. Статья написана в связи с выходом в свет сборника стихотворений А.С. Пушкина в оригинале и переводах (составитель Музафер Дзасохов). Авторы переводов – известные осетинские поэты, в том числе А. Кодзати, К. Ходов, М. Дзасохов, Г. Чеджемты и др. Т.А. Гуриев приводит слова знаменитого поэта и переводчика В.А. Жуковского о том, « что переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник», однако, по его мнению, в данном случае этот афоризм «не работает», поскольку мало кто из поэтов осмелится соперничать с Пушкиным. В статье обращается внимание на важную особенность переводческого искусства – в ней соперничают два языка – язык оригинала и язык переводчика. Задача переводчика – не только полнее передать содержание произведения, но и передать все намерения иноязычного автора. Переводящий же уже переведенного произведения должен выявить недостатки прежнего перевода. Т.А. Гуриев, имеющий опыт обращения к вопросам теории и практики переводов, считает главной задачей переводящего передачу лирической поэзии А.С. Пушкина без искажений его поэтического стиля, тональности его мелодичного стиха. Добиться этого не просто. Он предлагает свой взгляд на возможность осуществления этой задачи, по пунктам перечисляя те трудности, с которыми столкнулись переводчики стихов Пушкина на осетинский язык. Приводятся примеры переноса ударения, искажения пунктуации в некоторых стихах русского поэта, которые не учтены в сборнике в стихах на русском языке. Кроме того, в стихах Пушкина некоторые слова выделены курсивом, в то время как в переводах они не выделяются. В переводах на любой язык поэзии Пушкина проблемой является передача «К» в названии стихотворения. Т.А. Гуриев советует расшифровывать адресата и прибавлять к его фамилии или имени осетинское окончание «мæ» или «æн», напри-

мер, «К Чаадаеву» – «Чаадаевмæ». Еще одна важная проблема перевода – архаичные слова. Их семантико-стилистическая роль весьма ощутима, что не всегда учитывается нашими переводчиками – их или не переводят вообще или приводятся современные эквиваленты. Особая роль в стихах Пушкина принадлежит собственным именам, их, по мнению автора статьи, следует комментировать, без этого иногда затрудняется восприятие содержания произведения. Автор уверен, что «перевод с одного языка на другой представляется искусством особого рода. Опытный переводчик может создать на базе текста исходного языка произведение, превосходящее по своим художественным достоинствам оригинал по всем параметрам. Может не «дотянуть» до уровня оригинала и т.п. Но совершенно ясно, что он стремится воссоздать в переводящем языке все достоинства исходного текста» [17, 87]. В конце статьи автор выражает надежду, что с учетом всех требований к теории и практике перевода осетинские поэты продолжат благородное дело перевода поэзии А.С.Пушкина на осетинский язык. Им не нужны подстрочники, так как они билингвы.

Т.А. Гуриев имел все основания давать советы по поводу переводов Пушкина на осетинский язык, так он и сам имел соответствующий опыт – ему принадлежит перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Специалисты в области теории и практики перевода отмечают многие достоинства перевода Т.А. Гуриевым одного из самых известных произведений А.С. Пушкина. Для любого переводчика обращение к творчеству «солнца русской поэзии» – задача в значительной степени ответственная. Т.Г. Гуриев вполне справился с поставленной задачей. Ему удалось в полной мере, как считает исследователь теории и практики перевода Е.Б. Дзапарова, «воспроизвести жанровые особенности переводимого текста, сохранить элементы структуры подлинника, его пунктуационные особенности, детали повествования. Тщательный подход к воспроизведению языка и формы стиха оригинала позволил переводчику достичь в переводном тексте структурно-семантического соответствия» [18, 105]. В переводе Гуриева сохранена композиционная последовательность произведения Пушкина, он удачно переносит в осетинский текст особенности структуры сказочного произведения (зачин, повторы, особенная пунктуация, архаизмы и др.). Все это способствует усилению художественной выразительности, придает черты народности языку и особый исторический колорит тексту. Что очень важно, сохранена назидательно-поучительная направленность текста. Переводчик использует различные приемы перевода – уподобляющий, гипонимический, экспликацию, субституцию, транслитерацию, транскрипцию, калькирование. «Таким образом, анализ переводческих трансформаций, используемых Гуриевым при передаче «Сказки о рыбаке

и рыбе» Пушкина на осетинский язык, показал, что переводчику удалось передать не только содержание исходного текста, но и сохранить народность языка оригинала, стиль русской сказки, заложенный в ней глубокий смысл» [18, 112].

Среди работ Т.А. Гуриева о проблемах перевода назовем еще одну – «Сонеты У. Шекспира на осетинском языке» [15, 218–225]. У Тамерлана Александровича особое отношение к Шекспиру и его творчеству, он владеет в совершенстве английским языком, имеет возможность наслаждаться поэзией и драматургией «великого барда» на языке оригинала. Не в меньшей степени ученого волнует проблема перевода Шекспира на осетинский язык. Вышеуказанная статья посвящена выходу в свет интересного издания сонетов В. Шекспира на трех языках – английского, русского и осетинского в переводе известного поэта Тотраза Кокаева. Книга хорошо оформлена, украшена прекрасными иллюстрациями известного художника У. Бердслея. Автор статьи считает издание этой книги важным событием в осетинской литературной жизни. В ней Тамерлан Александрович не изменяет своему принципу – его высокий интеллект и глубокая эрудиция позволяют ему использовать в своей работе значительный историко-литературный контекст. В начале статьи он определяет поэтический жанр сонета как один из сложнейших, но и прекраснейших. Не случайно великий французский классицист и теоретик литературы Н. Буало заявил, что «поэму в сотни строк затмит Сонет прекрасный» [19, 70]. Он весьма сложен для написания, ведь в нем строго заданы размер, количество строк, сочетание звуков и т.д. Т.А. Гуриев знакомит читателей с историей распространения итальянского сонета в Англии, «пересадки» его на британскую почву предшественниками Шекспира. Он перечисляет английских поэтов, писавших стихи в форме сонета в последующие века. Представив читателю историю первых публикаций В. Шекспира, автор статьи переходит к анализу переводов Шекспира Т. Кокаевым. Свое первое критическое замечание в адрес переводчика Т.А. Гуриев делает по поводу того, что перевод Кокаева осуществлен не с языка оригинала, а через посредство перевода С.Я. Маршака, которому автор статьи дает высокую оценку.

Гуриев признает, что перевод возможен и через посредство подстрочника или перевода, осуществленного другим переводчиком. Он одобряет выбор Т. Кокаевым переводов С. Маршака, считая их удачными, поскольку он старался сохранить стилистику, тональность сонетов Шекспира, в то время как осетинскому переводчику это удается не всегда. Тем не менее автор считает, что хотя «непосредственное восприятие текста вряд ли можно чем-либо компенсировать,... однако это не означает,

что нам следует отказаться от возможного использования перевода» [15, 220]. Далее приведены примеры удачной передачи мысли в пределах «допустимого» в переводах Т. Кокаева. Разбирая знаменитый 130-й сонет Шекспира, автор статьи сопоставляет переводы С. Маршака и Т. Кокаева, к сожалению, эти сравнения не всегда в пользу последнего. Размышляя о возможностях осетинского языка выразить стилистическое и семантическое своеобразие языка оригинала, он приходит к выводу, что более или менее успешно это можно осуществить при доступности оригинала, а Кокаев «передает все богатство образов и мыслей великого поэта через их восприятие... другим переводчиком» [15, 220]. Т.А. Гуриев указывает и на другие недостатки перевода – Т.К. Кокаев пренебрегает междометиями, несущими у Шекспира смысловую нагрузку, не всегда учитывает шекспировские переносы значения слов, нередко избегает перевода названий, нередких у Шекспира, в английских текстах книги допущено немало орфографических и стилистических ошибок. В конце работы автор отмечает, что «рассмотренные переводы приглашают к серьезным размышлениям над общими и частными вопросами искусства перевода. Ясно также, что работу над переводами сонетов У. Шекспира на осетинский язык следует продолжать» [15, 224].

Таким образом, рассмотрев ряд работ Т.А. Гуриева по проблемам Нартовского эпоса, творчества К.Л. Хетагурова и теории и практики художественного перевода, приходим к выводу, что Т.А. Гуриев не только выдающийся лингвист, внесший своими исследованиями значительный вклад в самые различные области языкознания. Трудно переоценить его научные и публицистические работы по проблемам фольклористики, эпосоведения, изучения творческого наследия Коста Хетагурова, теории и практики художественного перевода.

-
1. Юдакин А. Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. М., 2000. 915 с.
 2. Салагаева З.М. Т. Гуриев – фольклорист // Язык. Культура. Коммуникация. Владикавказ, 2007. С. 8–21.
 3. Туганов М.С. Кто такие Нарты? // Известия Осетинского научно-исследовательского института. 1925. Вып. 1. С. 372–378.
 4. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартвовского эпоса. Орджоникидзе, 1971. 165 с.
 5. Абаев В.И. О собственных именах нартвовского эпоса // Язык и мышление. Вып. 5. Ленинград, 1935. С. 63–78.

6. Лукьяненко Л. Разгадавший тайну Нартиады // Северная Осетия. 2004. №7 (240 55). 15 янв.
7. Хозиев Б.Р. Т.А. Гуриев. Владикавказ, 2013. 151 с.
8. Гуриев Т.А. Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1981. 81 с.
9. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991. 173 с.
10. Чибиров Л.А. Об одной сепаратной индо-скифо-осетинской параллели в научном наследии Т.А. Гуриева // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29(68). С. 27 – 64.
11. Гуриев Т.А. Проблемы Нартиады. Орджоникидзе, 1982. 34 с.
12. Гуриев Т.А. Кто есть кто в аланской Нартиаде. Владикавказ, 1991. 96 с.
13. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. 638 с.
14. Гуриев Т.А. Передающий светильник жизни. Владикавказ, 2014. 224 с.
15. Гуриев Т.А. В жанре басни // Гуриев Т.А. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010. С. 179–184.
16. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ, 1999. Т. 2. 402 с.
17. Гуриев Т.А. Заметки о переводах стихотворений А.С. Пушкина на осетинский язык // Горный ветер. 2001. №2. С. 214–217.
18. Дзапарова Е.Б. Общие и частные вопросы художественного перевода в трудах Т.А. Гуриева: перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 28 (67). С. 41–51.
19. Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. 232 с.

Abisalova, Raisa N. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

PROBLEMS OF NARTOLOGY AND OSSETIAN LITERATURE IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF T.A. GURIEV

Keywords: T.A. Guriev, K.L. Khetagurov, Nart epic, nartology, anthroponymy, etymology, epic heroes, motives, plots, historical prototypes, literary translation.

The object of attention in the article is that part of the scientific and journalistic heritage of the outstanding Ossetian scientist, doctor of philological sciences, professor, laureate of several prestigious prizes Tamerlan Alexandrovich Guriev. The article examines the problems of Ossetian nartology, literary criticism, theory and practice of literary translation. The object of analysis in the article was

such works by Guriev as "On the problem of the genesis of Ossetian Nart names", "Anthroponymy of the Ossetian Nart epic", "Problems of Nartiada", "The heritage of the Scythians and Alans", "Who is who in the Alan Nartiada". They sanctify the features of motives, plots of the Nart epic, their variability, connection with world epics, images of heroes, their characters, motivations of actions, evolutionary processes of their development.

The second aspect of the content of the proposed work is the problem of K.Kh. Khetagurov in the scientific and journalistic heritage T.A. Guriev.

The article also analyzes the side of Guriev as a literary critic, which is associated with his talent as a polemicist, able to defend his own view of some of the works of Kosta Khetagurov. The author, on the basis of a deep understanding of the specifics of the fable genre, the history of its formation and development, convincingly refutes the opinion of those who considered Costa's fables only translations of the works of his predecessors, fabulists. T.A. Guriev, comparing the texts of the fables of K.L. Khetagurov and I.A. Krylova, conclusively comes to the conclusion that the great Ossetian poet did not resort to translations of already known fables, that his fables, even if they are based on world plots, are original, distinctive and deeply national.

The third aspect of the scientific heritage of T.A. Guriev, reflected in this work, is associated with an analysis of the scientist's works devoted to the theory and practice of literary translation.

REFERENCES

1. Yudakin, A. *Vedushchie yazykovedy mira. Entsiklopediya* [Leading linguists of the world. Encyclopedia]. Moscow, 2000. 915 p.
2. Salagaeva, Z.M. *T. Guriev – fol'klorist* [T. Guriev – folklorist]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Communication]. Vladikavkaz, 2007, pp. 8–21.
3. Tuganov, M.S. *Kto takie Narty?* [Who are the Narts?]. *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo institute* [News of the Ossetian Research Institute]. 1925, iss. 1, pp. 372–378.
4. Guriev, T.A. *K probleme genezisa osetinskogo nartovskogo eposa* [On the problem of the genesis of the Ossetian Nart epic]. Ordzhonikidze, 1971. 165 p.
5. Abaev, V.I. *O sobstvennykh imenakh nartovskogo eposa* [On the proper names of the Nart epic]. *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. 1935. Leningrad, iss. 5, pp. 63–78.
6. Luk'yanenko, L. *Razgadavshii tainu Nartiady* [Solved the secret of the Nartiada]. *Severnaya Osetiya* [North Ossetia]. 2004, no.7 (240 55). 15 jan.
7. Khoziev, B.R. *T.A. Guriev* [T.A. Guriev]. Vladikavkaz, 2013. 151 p.
8. Guriev, T.A. *Antroponimiya osetinskogo nartovskogo eposa* [Anthroponymy of the Ossetian Nart epic]. Ordzhonikidze, 1981. 81 p.

9. Guriev, T.A. *Nasledie skifov i alan* [The heritage of the Scythians and Alans]. Vladikavkaz, 1991. 173 p.
10. Chibirov, L.A. *Ob odnoi separatnoi indo-skifo-osetinskoj paralleli v nauchnom nasledii T.A. Gurieva* [About one separate Indo-Scythian-Ossetian parallel in the scientific heritage of T.A. Guriev]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 29(68), pp. 27 – 64.
11. Guriev, T.A. *Problemy Nartiady* [Problems of the Nartiada]. Ordzhonikidze, 1982. 34 p.
12. Guriev, T.A. *Kto est' kto v alanskoj Nartiade* [Who is who in the Alanian Nartiada]. Vladikavkaz, 1991. 96 p.
13. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura* [Selected Works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, 1990. 638 p.
14. Guriev, T.A. *Peredayushchii svetil'nik zhizni* [The transmitting lamp of life]. Vladikavkaz, 2014. 224 p.
15. Guriev, T.A. *V zhanre basni* [In the genre of fable]. Guriev, T.A. *Sbornik izbrannykh statei* [Collection of selected articles]. Vladikavkaz, 2010, pp. 179–184.
16. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5 t.* [Full composition of writings. In 5 volumes]. Vladikavkaz, 1999, vol. 2. 402 p.
17. Guriev, T.A. *Zametki o perevodakh stikhotvorenii A.S. Pushkina na osetinskii yazyk* [Notes on translations of poems by A.S. Pushkin into the Ossetian language]. *Gornyi veter* [Mountain wind]. 2001, no. 2, pp. 214–217.
18. Dzaparova, E.B. *Obshchie i chastnye voprosy khudozhestvennogo perevoda v trudakh T.A. Gurieva: perevod «Skazki o rybake i rybke» A.S. Pushkina* [General and specific issues of literary translation in the works of T.A. Guriev: translation of «The Tale of the Fisherman and the Fish» by A.S. Pushkin]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 28 (67), pp. 41–51.
19. Bualo, N. *Poeticheskoe iskusstvo* [Poetic Art]. Moscow, 1957. 232 p.